

Китаец. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Китаец. Марина Ивановна Цветаева

Почему я так люблю иностранцев, всех без разбору, даже подозрительных арабов и заносчивых поляков, не говоря уже о родных по крови юго-славянах, по соседству и воспитанию – немцев, по нраву и громовому р – итальянцев, не будем перечислять, – всех, без разбору? Почему сердце и рот расширяются в улыбку, когда на рынке слышу французскую речь с акцентом, верней, один акцент с привеском французской речи? Почему, если мне даже не нужно капусты, непременно, магнетически, гипнотически беру у “метека” кочан и даже, вернувшись, второй, только чтобы еще раз услышать его чудовищное для французских ушей “мерррси”, с топором рубнувшим “мадам”, а иногда и просто: “До свидания, приходи опять”. Почему, при худшей капусте, для меня метеков лоток непременно – лучше? Почему рука сама, через лоток, жмет арабову, арапову и еще не знаю чью – лапу? Почему, когда на рынке ловкий “камло”, сыпля словами и жестянками, превозносит французскую сардинку и поносит португальскую, я, оскорбленная, отхожу? Ведь не меня же ругали – при чем тут русские? Но ругая португальскую сардинку, меня, мою душу задела, и это она увела меня из круга туземцев более властно, чем ангел-хранитель за руку, или ажан – тоже за руку, хотя иначе.

Потому ли (так люблю иностранцев), что нам всем, чужакам, в Париже плохо? Нет, не потому. Во-первых, мне в Париже не плохо (не хуже, чем в любом месте, которого я не выбирала), во-вторых, моему рыночному другу-армянину, который молодых зовет “p’tite soeur”[1], а пожилых “p’tite mère”[2], и даже самую нарядную даму не зовет “Madame”, в Париже явно хорошо. Значит, дело не в плохости жизни, и любовь моя не “camaraderie de malheur”[3].

А потому что каждому из нас кто-то, любой, пусть пьяный, пусть пятилетний, может в любую минуту крикнуть “метек”, а мы этого ему крикнуть – не можем. Потому что, на какой бы точке карты, кроме как на любой – нашей родины, мы бы ни стояли, мы на этой точке – и будь она целыми прериями – непрочны: нога непрочна, земля непрочна... Потому что малейшая искра – и на нас гнев обрушится, гнев, который всегда в запасе у народа, законный гнев обиды с неизменно и вопиюще неправедными разрядами. Потому что каждый из нас, пусть смутьян, пусть волк, – здесь – неизменно ягненок из крыловской басни, заведомо – виноватый в мутности ручья. Потому что из лодочки, из которой, в бурю, непременно нужно кого-нибудь выкинуть, – непременно, неповинно и, в конце концов, законно, будем выкинуты – мы. Потому что все мы, от африканца до гиперборея, camarades не de malheur, а: de danger[4]. Потому что, если мы все под Богом, то на чужой земле еще и под людским гневом ходим. Гневом черни, одной – всегда, одним – всегда. Потому что стара вещь – вражда, и сильна вещь – вражда. Иностранца я люблю за то, что у него на всякий случай голова втянута в плечи, или – что то же и на тот же случай – слишком уж высоко занесена. Не “плохо живется”, а плохо может прийти. Мне скажут: “А у себя, в Москве?” Да, было дело, и не раз:

“Ишь, буржуйка, шляпу нацепила!” (Из глаз – ненавидящий класс.) – “А я зато в Москве родилась, а ты откуда взялся?” Ведь я, при всем моем превосходстве: стоянии над месторождением, отыгрывалась – им же! И этого довода “в Москве родилась”, этой почвы из-под ног у меня никто не вырвет, даже если я, как сейчас, от нее за тридевять земель и запретов. Убьют – не возьмут!

Я сказала: camarades de danger. И все же – нет. Родина, в иные часы, настолько опаснее чужбины, насколько опаснее возможного несчастного случая – верная смерть. Смерти бежа, – побежали многие беженцы. Camarades de danger, но не физического. Страх оскорбления, а не смерти, нам всем головы втягивает, и вызов невидимому оскорбителю иным из нас головы заносит. Оскорбления, на которое в иностранцевом словаре – нет слов.

Camarades d’orgueil b’lessé[5].

Пришла на почту отправить рукопись: печатными буквами, но рукой писанную, – ясно, что заказным письмом, то есть франка три, – рукой писанную, но печатными буквами, значит, может быть все-таки “imprimé”[6]. Занятая этими сложными сделками со своей совестью и трусостью, упускаю начало предполагаемого рассказа и застаю его уже в виде прильнувшего к окошечку и оживленно жестикулирующего какими-то мелочами китайца.

“Дряй, дряй”, – различаю я в тонкой и быстрой струйке его детского голосочка. “Что он говорит?” – почтовая барышня другой, по-французски. – “Это – японец (вторая), он говорит по-японски”. И отдельно, как двухлетнему ребенку: “Сколько стоит это?” – раскачивая перед его лицом какую-то яркую мелочь, оказывающуюся кошелечком. И, в ответ на его явное непонимание, еще сокращая, как годовалому: “Сколько – это?” – “Дряй, дряй, дряй!” – мельчит китаец. “Это – китаец, и он говорит три”, – поясню я прелестной, вцепившейся в кошелек почтарше. “Мадам понимает по-китайски и говорит, что три”, – шепотом поясняет барышня своей не менее миловидной и вожделеющей товарке, откровенно бросившей свое окошко и выудившей с прилавка первого – другой кошелечек, не менее соблазнительный. “Я не по-китайски понимаю, а по-немецки, – честно поясню я и, уже увлекшись филологией, – по-немецки – дрэй, а у нас – три. (Бровный вопросительный знак.) – Я – русская. Мы с немцами соседи”. – “Так скажите ему, мадам, – почтарша с неизъяснимым волнением уважения, – что...” – “Русский? – вдруг, мне, китаец. – Москва? Ленинград? Харашо!” – “Так вы и по-русски знаете?” – я, бросив барышню, бросаюсь к китайцу, радостно. “Москва была, Ленинград была. Харашо была!” – тот, сияя всем своим родным уродством. “Он знает Россию, – я барышне, взволнованно, – мы ведь соседи, это почти компатриот...” – “Скажите ему, пожалуйста, что два! два!” – сбита с толку барышня, для вящей понятности поднося растопыренные пальцы уже к моему лицу. “Я поняла: два. (Китайцу:) Zwei. Два. Die Dame gibt zwei Franken[7]”. – “Dutsch! Dutsch![8] Берлин! – расплывается в улыбку китаец, топя в ней последние остатки глаз, и, по мере ее сбегания, вновь прозревая: – Zwei – не-е, drei, drei”. – “Он не хочет два, он хочет три, – докладываю я и, испугавшись, как бы не отослала его ни с чем. – Но может быть и уступит. Но, предупреждаю вас, c’est un chinois, ce sera long”[9].

Пока барышни, как птички в клетках, шепотом и щебетом совещаются, показываю китайцу браслет с левой руки: неведомую птицу, раскинувшую хищные крылья и не менее хищный когтистый хвост над встречным движением нам неведомого дерева, кажущегося ее водным отражением. “Хина! Хина!” – ликует китаец, деликатно потрагивая желтым пальцем массивное серебро браслета. “купила у “хины” – в Москве – в войну – Krieg”. – “Война? Купил?” – тот, почти смеясь уже. Но даже если бы ты мог меня понять, дорогой почти-соотечественник, не рассказала бы тебе – как, ибо купила – вот как. Иду по Арбату и наталкиваюсь – именно наталкиваюсь, как на столб, на китайку в голубом балахоне, редкую, лицом, уродку, всю в серебре. И так как отродясь люблю серебро, и отродясь люблю огромные кольца, а сейчас (1916 г.) пуце всех колец – строки:

Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца...
И дальше, на простонародном старинном ы настаивая:

И я, в который раз подряд,
Целую кольца, а не руки...
И так как это именно – кольца, старинные, простонародные, огромные, – щитами, на которых можно написать все, – огромные, но на каждый палец, ибо не запаяны, а загнуты, я прямо к китайскому носу рубль, тоже серебряный и еще крупнейший:

“Продашь?” – “Не-не-не-не”, – китайка, мелко и пронзительно, точно ее колют. Я, не вытерпев, молча, второе колесо рубля. Сторговались: я отдала ей все свои рубли, а она мне все свои кольца, и с чистыми щитами, и с щитами, исчерченными, будем надеяться – заклетьями, а не проклетьями! Но, уже шагов пятьдесят пройдя, – блеск большого серебряного обода в глазах, блеск, переходящий в нестерпимый, от секунды к секунде растущий разгар ожога: осознаю, что не купила у нее прекрасного, с птицей, браслета, которого за суетней колец и рублей, как-то не дорассмотрела, не доосознала. Возвращаюсь – китайки нет. Ищу на Арбатской площади, на Пречистенском бульваре, на Воздвиженке – исчезла.

Несколько дней спустя, на том же Арбате – глазам не верю – она! Первый взгляд на руку: он цел! (Да и кому тогда, во всей Москве, кроме меня, нужен был серебряный браслет?) Я – десятирублевую бумажку: “Продашь?” – “Не-не-не-не...” Я – еще пятирублевую, и маша ею перед вдавленным носом. “Да?” – лепет, – живое немецкое “Ja”[10] – нечеловеческое: лиственное, точно совсем бессмысленное, точно не я не понимаю, а и нечего понимать, – точно кошка лакает из блюдца, и – цап мои бумажки! Теперь хочу браслет, но – о, удивление, негодование, отчаяние, похолодание – браслета не дает, не дает даже притронуться: “Не-не-не-не-не...” А деньги тоже уж “не-не-не” – исчезли: нет: проглотила, что ли? “Давай браслет!” –

Китаец. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

я, как умею, строго. Она, совсем закрыв глаза (лицо совершенно идолевское) и зажав под мышкой браслетную руку, да еще прижав ее для верности другой (сейчас уйдет! сбежит! и остолбенев – уже остолбенела – я): “Не-не-не...” Но тут – кулак. Огромный безмолвный кулак. Оборачиваюсь – солдат. Солдат, стоявший и наблюдавший сцену. “Это – видала?” Да, увидела сквозь закрытые глаза, которые тут же раскрыла, так же как, торопливым и покорным жестом, на руке, браслет. Подала. Надела. “Ах ты, желтюга косоглазая! – солдат, уже для души замахваваясь, – Деньги – брать, а браслетку – жать? Да я тебя, такую-сякую...” – но нецензурный конец тонет в громком его хохоте, ибо китаянка уже бежит, быстрит, быстро-быстро, мелко-мелко, мелким бесом и бисером перекачываясь на неправдоподобно-крохотных своих болванчиковых китайских ногах. “Ну и дура ж ты, прости Господи! барышня! Да рази так можно? С нехристями этими? Деньги давать допреж как вешш в руках. Пятнадцать, что ль, дала?” – “Пятнадцать” – “Видно, деньги твои несчитанные. Да я бы за такое, прости Господи (нецензурное слово) – и рубля, что рубля, и полтины...”

Птичий браслет на моей руке и поныне, заклятые кольца же, что-то особой удачи не приносившие, я в один особенно-неудачный день наотрез сняла: ведь если даже и не проклятые, – Бог их знает, почти-компатриотов, – может быть: что китаянку польза, то русскому – вред?

“Не-не-не-не... – лепечет китаец, – нэй, нэй!” – “Он не хочет два”, – огорчается барышня. “Так дайте два пятьдесят”. – “А что скажет мой муж?” – “Мужу скажете: два”. – “Вы так думаете?” – “Да. Берите, а то я возьму, все возьму”. Кошельки, как по мановению, с помощью еще нескольких рук, разобраны: ушел и чудный малиновый животастый мандарин, и разлатая – азалии? магнолии? – ветка, и паланкин, и рисовый обед. Мне достался – остался – последний, худший, и даже не китайский, а японский: две неприятно-тощие японки с гребнями и без всяких животов. Потом, по дружбе и без всякой надежды, роюсь в его заветном товаре: черных зеркальных шкатулках с щелчком – выскакивающим золотым аистом, подносящим папиросу, золотых кадилыницах-курильницах, и – о сюрприз! – китайские папиросы в золотой коробке. “Сколько?” – я – китаяцу. “Твоя – два”. – “Хорошие?” – “Харош!” – зашивает щели глаз и выкатывает китайские яблочки ноздрей. “Что это?” – почтарша, заинтересовавшись. “Китайские папиросы. Дешево”. – “Пахнет розой, – барышня, обнюхав, и, мечтательно: – Как, должно быть, приятно и необыкновенно-розовый табак”. Я, работая на китаяца: “Купите тоже!” – “О, нет, нет, муж курит только “житан”, от розового табака, вы знаете, мужчину стошнить может”. – “Так попробуйте мою!” На лице у барышни – ужас. “Да что вы! Ведь это – ваши!” – “Потому-то и предлагаю вам (обращаясь к другой) и вам”. – “Нет, – первая барышня твердо, – я не могу допустить, чтобы вы из-за меня портили вещь”. – “Но ведь я их все равно открою!” – “Дома, при вашем муже – другое дело, но чтобы из-за меня...” – “Ну, сделайте мне удовольствие, – умоляю я, – я сама буду курить, все покурим, и китаец покурит”. – “Я вам бесконечно благодарна, но это невозможно”, – барышня, для пущей убедительности отъезжая вместе со стулом вглубь. “Тогда открою – я!”

Открываю, и – о, изумление! – вместо стройного ряда белых или хотя бы “розовых” папирос, – мозаика черных друг в друга вжатых шершавых треугольников. Я, неуверенно протягивая: “Но как же это курить?” Барышня, вертя между пальцами, с внезапным вскриком:

“Но ведь это уголь! (Показывая замшево-черные пальцы:) Смотрите! – Строго, китаяцу: – Что вы продали Madame?” Китаец, шумно втягивая воздух носом и изображая на лице блаженство: “Харош!”

“Да ведь это для курильницы, – подошедший почтальон, – у моей тещи как раз такие же. И очень даже хорошо пахнет, когда зажечь”. – “И у меня есть китайская курильница, – не без гордости, барышня, – только никогда не зажигали”. – “Так возьмите!” – “Что?” – “Уголь возьмите – к курильнице”. – “Но мой муж...” – “Даром возьмите, сделайте мне это одолжение, что же мне с ним делать, у меня же нет кадилыницы, в плите, что ли, жечь вместо boulet?” [11] Шутка удалась, общий смех, но рука все еще не решается. “Да берите же, – знаток-почтальон, – Madame – русская? Я знаю русских, они делают все, что им приходит в голову, и не терпят, чтобы им противоречили. Правда, Madame?” – “Совершенная, – серьезно подтверждаю я, – и больше того: когда им не дают делать того, что им приходит в голову, они эту голову – теряют (ils perdent la tete) – поняли?”

И, вложив окончательно оробевшей барышне в руку “розовый табак”, выходим –

Китаец. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
китаец, мой сын и я. На перекрестке, исполосованном автомобилями, долго ждем.
“Не-не-не”, – китаец, мотая головой на машины. Наконец перешли. Ему вправо, мне
– влево. Прощаясь за руку, отмечаю, что жмет, как мы, жмет, а не отсутствует,
как французы. И, уже несколько шагов пройдя: “Э-э-э-иэ-иэ-иэ...” – какое-то –
слабое хотя, – голошенье. Оглядываюсь: он, желтый, лошадо-волосый, бегущий,
чем-то машущий: цветком на палочке, который сует в руку моему сыну:

“На, на, моя – твоя...” Я: “Бери же, Мур. (Китайцу:) Спасибо. Сколько?” Он, маша
уже пустой рукой и сотрясаясь от беззвучного смеха: “Не-не-не-не... твоя дала,
моя дала... моя дала, моя твоя дала... ла-ла-ла-ла...” И, вознося в небо
деревянное изделие своего лица: “Харош русск!.. Харош – Москва!..”

“Какой хороший китаец, – сказал мальчик, пыхтя над игрушкой. – А почему почтовая
барышня так боялась взять у вас уголь. – “Потому что здесь незнакомым – не
дарят, а если дарят – пугаются”. – “Но китаец ведь тоже незнакомый... – и удачно
раздув рябую плиссированную бумагу в не то цветок, не то птицу, не то грушу, не
то дворец: – Мама, а насколько китайцы больше похожи на русских, чем французы”.

<1934>

Примечания

1

Сестрица (фр.)

2

Мамаша (фр.)

3

Товарищество по несчастью (фр.)

4

Товарищи не по несчастью, а по опасности (фр.).

5

Товарищи по уязвленной гордости (фр.).

6

Бандероль (фр.).

7

Дама дает два франка (нем.).

8

Немецкий (искаж. нем. Deutsch).

9

Это китаец, это будет долгая история (фр.).

10

Лепетание (нем.).

11 Сорт дешевого угля.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Китаец. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!